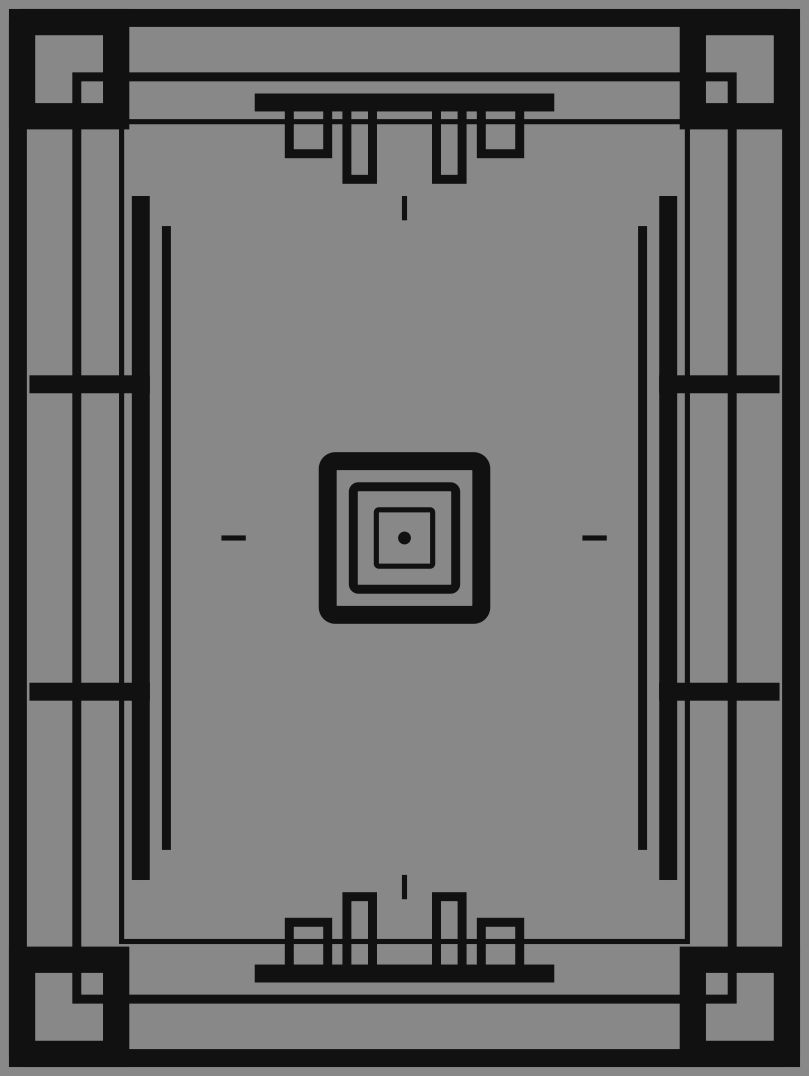

Судьба
Раймон Кено

Аннотация
Раймон Кено. СУДЬБА. (Перевод Валерия Кислова)

Аннотация

Судьба: рассказ, пер. В. Кислов, «Митин журнал», 1997

Раймон Кено
СУДЬБА

(Перевод Валерия Кислова)

1. Перевод

Былые ценности! Былые истины! Вот они, клише, вылупившиеся после долгих, просиженных за книжками, вечеров. Вот молодой человек — некогда, судя по разговорам, и прилежный и образованный и богатый. Имя ему, кто бы знал почему, Кристиан Стобель. О его детстве и отрочестве нам известно еще меньше, чем о его утробном существовании. Но наступает день и обращение, совершенствуя нашего героя, свершается. Невероятная интеграция приводит к новой функции. Неожиданная встреча, случайный поступок изменяют привычки, казавшиеся навсегда укоренившимися; отъезд лишь усиливает беспокойство.

2. Порт

Не влекомый с этого момента и на какое-то время ни к каким наукам, Кристиан Стобель

отправляется в Гавр. Он останавливается в той самой гостинице на улице Расин, где обнаруживаются женские трупы и назначаются мужские свидания. Он сочиняет антиопеи. Навязчивый запах просмоленных парусов услаждает его в той же степени, что и прямолинейная миля мели. Он ищет приключений и не находит — из-за своей неопытности, да и воображения ему не хватает.

3. Цыгане

Однажды, выбравшись за город и набродившись вдоволь, он устало садится и смотрит на дол и потусторонний холм. Вдали, из глухого бора, выходят на светящуюся дорогу ярмарочники. Четыре повозки тянутся к прохладе ложбины. Рядом шагают люди, но пока они лишь черные фигурки, похожие на типографские буковки. Накупавшись в солнечных лучах, они ныряют в очередную тень, на дно долины, пересекают белесую деревню, по-кошачьи, по старушечьи выгибающуюся вдоль дороги, снова появляются, уже более отчетливые, у ближайшего поворота. Группа проходит, орошая землю потом ступней — позолоченные, мускулистые мужчины, женщины в лохмотьях, дети, повозки, лошади.

"Из всех стран дороги ведут нас к Святым

Мариям Моря, где мы собираемся каждый год. Неразгаданные кочевники, мы проносим свою тайну через невозмутимые деревни и туманные города. Преображенные бродяжничеством, мы живем, презирая недвижимость, храня в памяти гигантских змей и изумрудные стекла."

За поворотом дороги они исчезают. Стобель встает и уходит. Он возвращается в Париж. Беседы с одним загадочным метафизиком наводят его на мысль о возможностях, представляющихся ему неограниченными. В результате чего он бросает учебу, семью, друзей, покидает Париж, а затем и Францию.

Товарищи! Дорогие друзья мои, не находите ли вы, что этот Стобель — какой-то прозрачный что-ли, просвечивающий? Он еще не выбыл из повествования, а о нем уже все забыли; да и мне самому хочется лишь одного: выкинуть бы из головы глупые истории, которые я вам рассказываю.

4. Память

На корабле Стобель лущит апельсиновые косточки. Он думает: "Ночи островов. Ночи берегов. Ночи скалистых обрывов. Я ли не любил окошки лачуг, сладострастие экзотических танцев и

геометрию механизмов!? Ничего не осталось от любви в восемнадцать лет. По дорогам, изрытым древними предрассудками, я влачил свои растерянно безголосые признания. Но щели в стене больше не пропускают шум волока. Крест не освещает обходные пути. Бессмертник тянется к другим могилам."

5. Музыка

Подобные беспрестанно сменяющимся приливам и отливам несметных полчищ с Востока, безбрежно растекающимся потокам неисчерпаемых народов, безудержно разливающимся течениям толпы — источник рас — всплеск завоеваний, разнообразные напевы омывали ритмический стержень: одни, выражая сложные заклания и сластолюбия, другие — спокойствие Мудрецов и космическое милосердие Аскетов.

Картины, в которых дождь и горные пейзажи символизируют Бесконечное, приводили каллиграфически вырисованные доказательства. По-прежнему звучала разнометричная музыка, в которой, казалось, теряется всякая индивидуальность. Как можно оставаться кем-то перед античностью Пращуров, безграничностью их мудрости, многоликостью индивидуальностей?

Нужно раствориться! Нужно слиться с Традицией, Расой, античным Миром и непоколебимыми Принципами.

6. Кино

На берегах, покинутых нездоровыми крабами, мысль о неудачных судьбах вьется у подножия пенистых скал, чья неописуемая фаллическая форма, выточенная водами, несомненно предназначена для завораживания купальщиц в купальниках синих, красных, зеленых, желтых, черных или белых в зависимости от распоряжающейся их жизнями судьбы, или от цвета галстуков их любовников.

Если Стобель и блуждает по пляжу среди купальщиц в эксцентричных или фотогеничных купальниках, то не потому, что его изводит вожделение или очаровывает климат. Он здесь только для того, чтобы свершилась им самим предрешенная участь; перед отъездом молодой человек созерцает пенистые скалы фаллической формы, грибницы и ягодицы купальщиц, серо-белый или золотисто-коричневый, в зависимости от положения закатывающегося солнца, прибрежный песок и море, в котором давно уже мертвые сирены словно пробуждаются от дуно-

вения судеб, созвучных Тихому Океану.

7. Навигация

Три континента его пресытили — и вот он поджидает какую-нибудь яхту, отправляющуюся в Океанию. Он никогда не старался убежать от самого себя. Земля не такая уж большая, что бы там ни говорили. Подплывая к Маниле, первому предвестнику Востока, Стобель понял, что все эти блуждания приводили его каждый раз в знакомые места. Даже когда он бежал в леса Южной Америки или степи Сибири, все равно и всегда ему встречалось что-то, от чего он уже когда-то убегал.

Так думал он, сидя в шезлонге на палубе своей яхты. Он обозревал эту тропическую землю и это море, напоминающие ему, что он уже проплывал недалеко отсюда, направляясь из Сингапура в Гонконг.

Мысль его окружена. На земной сфере можно начертить лишь кривые линии, которые при продолжении всегда соединяются. В этой точке земного шара он сталкивается с тем, что уже видел. Он не хочет возвращаться к давним экспериментам. Он не может снова склоняться перед вечными и озадачивающими цивилизациями

Востока.

Он считает, что объехал весь мир, облетел все цивилизации, объял все мысли (почти). Он не хочет возвращаться, он не хочет оставаться.

"Моя воля и мое богатство дали мне власть над предметами, я направлял свою судьбу, а теперь моя воля упирается в себя саму. Так пусть же отныне предметы управляют мною! Пусть я буду зависеть от случайных обстоятельств!"

В Палембанге продается бар. Стобель покупает его. Оставшиеся деньги проматывает, а яхту дарит капитану, который с тех пор поставляет голотурии к изысканному столу мандаринов в Шанхае.

Можно представить, что он превратился в курильщика опиума, алкоголика или атаксика, женился и народил детей, которые пойдут учиться в колледж Мельбурна, или же обратился в католическую религию. Это не имеет никакого значения.

Да и вообще это очень нудная история. К счастью, она закончилась. А нравится она вам или нет — мне ровным счетом наплевать!

"Митин журнал", вып.55 (1997г.)